

Потомки Наполеона приняли православие и служили России

Во сне Эжену явился преподобный Савва и попросил не разорять обитель. Он пообещал, что в этом случае Эжен живым вернётся домой, а его потомство будет служить России. Всё сбылось «до последней запятой». Принца Эжена Богарне во Франции называли вторым человеком после императора. Наполеон любил рассказывать, что благодаря Эжену он познакомился со своей будущей супругой Жозефиной. К генералу Бонапарту, исполнявшему тогда обязанности парижского коменданта, вбежал мальчик, весь в слезах, и попросил о возвращении шпаги казнённого отца. Растроганный Наполеон выполнил просьбу. На следующий день мать мальчика, госпожа Богарне, приехала поблагодарить генерала. Так начался один из самых ярких романов в истории. Предсказание Во время войны 1812 года принц Эжен носил генеральские погоны и командовал 4-м корпусом «великой армии». На подступах к Москве генерал разбил лагерь в Звенигороде и заночевал в Саввино-Сторожевском монастыре. Во сне ему явился старец в монашеской рясе и сказал: «Не вели своему войску разрушать и грабить мой монастырь. Если исполнишь мою просьбу, уйдёшь из этой великой страны целым и невредимым, а твоё потомство ещё послужит России». Богарне поспешил в храм и обомлел. На иконе он увидел преподобного Савву - покровителя монастыря, жившего здесь 400 лет назад. Именно он и разговаривал с Эженом во сне. В ту же ночь принц запретил солдатам мародёрствовать, храм с мощами преподобного Саввы опечатали и выставили рядом охрану.

После войны архимандрит монастыря в донесении Святейшему синоду писал: «Мощи преподобного Саввы находятся в целости, как было до неприятеля». Принц Эжен Богарне А Эжен Богарне вернулся домой живым и невредимым. Другим соратникам Наполеона небеса отказали в своём покровительстве. Судите сами. Мортье, взрывавший во время отступления французов Московский Кремль, сам стал жертвой «адской машины» (был убит. - Ред.) во время покушения в Париже на короля Луи-Филиппа. Ней и Мюрат были расстреляны. Маршал Бессьер убит под Люценом, маршал Понятовский тоже погиб. Эжена лишили титула вице-короля Италии, но остался титул герцога Лейхтенбергского, который он получил после женитьбы на дочери короля Баварии. Собственно, в Баварию генерал и вернулся после поражения в войне 1812 года. Переезд в Россию Сыну Эжена Максимилиану было суждено породниться с российской императорской семьёй и переехать на жительство в Россию. Подробности того, как сбылась вторая часть пророчества, «АиФ» рассказал историк, протоиерей отец Георгий Кобро. Он потомок русских эмигрантов первой волны, живёт в Баварии и пишет книгу о судьбе рода Лейхтенбергских. «В Баварию, отдохнуть на озере Тегернзее, приехал император Николай I с семьёй. Недалеко располагалось имение Эжена Богарне. Его сын, герцог Максимилиан Лейхтенбергский, был представлен российскому монарху и произвёл на императора столь приятное впечатление, что Николай I пообещал:

Сын Эжена Максимилиан «Если вы понравитесь одной из моих дочерей, я не буду против вашего брака. Только при условии, что вы останетесь жить в России», - рассказывает отец Георгий. - Так Максимилиан получил приглашение на празднование очередной годовщины Бородинского сражения. Приехав, он первым делом спросил: «Как я могу попасть в Саввино-Сторожевский монастырь?» При дворе удивились: откуда католик Богарне знает о православной обители? «Перед смертью отец взял с меня слово, что, если я окажусь в России, обязательно поклонюсь мощам преподобного Саввы», - объяснил Максимилиан. Он совершил паломничество в монастырь вместе с семьёй российского императора. А в 1839 году состоялось бракосочетание Максимилиана с великой княжной Марией Николаевной - дочерью императора. Молодые поселились в Санкт-Петербурге на Невском проспекте. Потомок Наполеона быстро выучил русский, увлёкся горным делом. В браке родились шесть детей, крещённых в православии». 200 лет спустя Максимилиан умер в расцвете сил - после того как сильно простудился во время одной из экспедиций на Урал. Его начинания продолжил старший сын Николай, который возглавил Императорское минералогическое общество и Императорское техническое общество. Когда он подписывал документы, его титул занимал не одну строку - князь Романовский (в России семейству дали вторую русскую фамилию), четвёртый герцог Лейхтенбергский, четвёртый принц Богарне. Род Лейхтенбергских принёс России немало пользы. Они развивали науку и культуру, защищали страну во время Турецкой и Первой мировой войн. «В свите последнего русского императора Николая II были два представителя рода Лейхтенбергских - Георгий и Николай, оба полковники. Они предпринимали попытку освободить императора из заточения, - продолжает рассказ отец Георгий. - После революции потомки Богарне эмигрировали из России и осели в своих имениях в Баварии. При этом они горели идеей спасти Россию от большевизма. В Баварии у Лейхтенбергских в замке Зееон подолгу гостили генерал Врангель, генерал Краснов, философ Ильин. Было организовано общество «Братство русской правды», его возглавил Георгий Лейхтенбергский. В середине XX века замки пришлось продать, и потомки рода Лейхтенбергских рассеялись по свету. В православном монастыре Покрова Пресвятой Богородицы, который находится недалеко от Парижа в местечке Бюси-ан-От, проживает 87-летняя мать Елизавета - в миру герцогиня Лейхтенбергская, из рода Богарне». Мать Елизавета «АиФ» удалось дозвониться до матери Елизаветы. Поразил её чистый русский язык: «Я родилась в Баварии в нашем фамильном имении. Когда к власти пришёл Гитлер, мы бежали в Канаду, потом я вернулась в Европу. Тридцать лет назад приняла постриг. Когда я это делала, ещё не знала о пророчестве преподобного

Саввы. Лишь в 1991 году, перебирая бумаги покойного дедушки Георгия Николаевича Лейхтенбергского, я нашла маленькую книжечку «Семейное предание», изданную в России до революции. В ней дедушка рассказал о случае в Саввино-Сторожевском монастыре. Очень захотелось попасть в эту обитель. В 1996 году мне это удалось». Так, спустя почти 200 лет после пророчества, потомок французского принца Эжена Богарне православная монахиня Елизавета поклонилась мощам преподобного Саввы. Водкой по императору Наполеоновские войны (1799 - 1815) оторвали от привычных дел 2 млн молодых мужчин из разных стран Европы и Африки. Что оставалось им делать в перерывах между боями? Только пить горькую. Денис Давыдов, грамотный офицер, талантливый поэт и любитель выпить, так писал о русских гусарах: «...Помню вас и я, / Испивающих ковшами / И сидящих вокруг огня / С красно-сизыми носами!» Во французской армии тоже не всегда пили дорогое вино. Находясь после боя среди убитых своего приятеля, пехотинцы и кавалеристы обыкновенно провожали его в последний путь словами «Больше не будешь напиваться». Один французский капрал писал: «Водку нам дают для того, чтобы мы наливали её в воду для дезинфекции; но вы, наверное, догадываетесь, что мы продельываем эту операцию нечасто». В 1806 г. в очередной раз битая Пруссия приняла на постой в Берлине победителей-французов. Местных жителей обязали снабжать солдат вином - из расчёта бутылка в день на брата. Вино в Германии было дорогим, и дело едва не кончилось бунтом. С большим трудом удалось уговорить французов «догоняться пивом». В результате на завтрак рядовой француз получал суп и водку. На обед - суп, 300 граммов мяса и полштофа (610 мл) пива. На ужин - овощи и ещё полштофа. А вот меню русской армии того же периода: 2-3 раза в неделю по полфунта (чуть больше 200 г) свежего мяса, солонины или рыбы и чарка (примерно 100 мл) «хлебного вина», то есть водки. Но казённое довольствие, как это часто случается в России, к сроку поспевало не всегда. В 1807 г. тысячи голодных русских солдат терроризировали население Пруссии. Генерал Ермолов вспоминал: «До 11 часов утра дрались мы с умеренною потерей, но по дороге нашедши разбросанные бочки с вином, которых идущие при армии маркитанты оставили для облегчения своих повозок (дело было после поражения при Прейсиш-Эйлау. - Ред.). Невозможно было удержать людей, которых усталость и довольно сильный холод наиболее располагали к вину, и в самое короткое время четыре из егерских полков до того сделались пьяны, что не было средств соблюсти ни малейшего порядка». Невероятно, но случилось русским и французам в те годы садиться за один стол. Заключение Тильзитского мира (1807 г.) ознаменовалось грандиозной пьянкой. Этим вечером невозможно было понять, кто есть кто: французы, обменявшись с русскими шапками, мундирами и даже башмаками, прогуливались в поле и по городу, крича: «Да здравствуют императоры!». И это вскоре после битвы при Аустерлице, проигранной русской армией! Сергей ОСИПОВ